

П О Э З И Я

Галина Погожева

С Т И Х И

х х х

Литва! Так скоро! Все перенеслось,
Все в памяти уже перемешалось —
И тоску переходящее, как злость,
И слов не находящее, как жалость.

Где дождь и память, где листья и дым —
Все брошено — и пламени пыланье.
Над спрошенным, над гордым и седым
Надломлено последнее желанье.

Ошиблась ты, и живопись — не нам.
Еще бегут, еще собой владеют,
Но жимолость ползет по именам,
И руки на прощанье холодеют.

И брошу все и закричу: Литва! —
Ответа нет, но нет тебе укора.
И вот уже сынькается листья.
И вот уже смеркается, так скоро!

х х х

Вы все об Огненной Земле —
Лицом тупа и я за вами —
Где пламя в пепле и золе
Сидит и возит рукавами.

И кожа стянута у скул,
И взгляд у пламени незрячий,
И океана слышен гул
Над нашей памятью горячей.

А дым развеется сирой —
А свет рассеется неровный —
Лишь память тешится игрой
Над этой пропастью огромной.

И в доме том, куда вхожу,
Мелькает тень и все снимает,
И подстрекает к мятежу,
И ничего не понимает.

х х х

Еще она — уж, значит, нет чего-то?
Все неподвластна — но уже вот-вот
Она поймет, что эта несвобода
Еще прекрасней лучшей из свобод.

Все раннее — неведение, старанье,
Все позднее — предвиденье, она!
Да и сама — ни в жизни, ни за гранью,
Ни свет, ни тень, ни звук, ни тишина.

Как тяжелы, как подбавят плоти,
К земле нас тянут — наши имена
Напоминают ирисы в болоте,
Привязанные к вязкой тине дня.

О, этот сад — земля и земляника.
И этот дом — не помнит ни о ком.
И сказанное имя: Вероника
Над нашим теплым, сонным цветником.

х х х

Ты на мое отчаянье похожа.
Летит душа, как ветер молодой.
Скользит змея и холодеет кожа,
И расцветает лютый золотой.

Дни выпадают, как дожди, и гаснут,
Как только дни — и как одним глотком,
Одним дыханьем говоря — а вас тут
Забудут всех, не вспомнят ни о ком.

И ты по снам, намеченным в пунктире,
Мазнешь тоской, как тенью по лицу.
Смелкают псы — но музыка в трактире!
Кому играешь? — Богу и слепцу.

Есть что-то в даре вечное, как в горе,
Привычное, как верность и тоска,
Как та река, впадающая в море,
Идущее волной на берега.

И это — жизнь! Ее узор подвижен,
На нем изнанки нету никакой,
А на лице, среди цветов и вишен,
Мы вышиты косною рукой.

Уже темны и тягостны посулы,
Сквозят черты — как ветер из дверей,
Сквозь плутни школы, сквозь глаза и скулы —
Деревьев, лодок, стен монастырей.

О, эти дара вечные подарки,
Перерожденья, блданья, забвенье!
А все твои, Олимпия, огарки,
Твои и рисованье, и шитье.

х х х

Тот город, где нас разлучают,
Где улицы прошлым горчат,
Где липы ветвями качают,
Качают ветвями, молчат.

Где улицы детские всхлипы,
Где сумерки влипли в стекло,
Где все мы, конечно, смогли бы,
Да нет нас и быть не могло.

Уж сам-то он, кажется, выжат —
Врзжит, что пора уезжать —
Где мне не смолчать и не выжить,
А только плечами пожать.

В нем есть и деревья, и травы,
Но нету бесправной листвы -
Где камни и площади правы,
А дождь или память - мертвы.

Где все - по углам, по укладам,
Где сказано - не было нас -
По темным твоим циферблатам
Читаю я имя и час.

Так слушай - смешны мне обряды.
Нужны мне все эти боги!
Но выбора нету; снаряды,
Мы вложены в жерла твои.

Мы станем собой: именами,
Химерами. Ты - наш палач.
Ты властвовать можешь над нами,
Но мы в твоём горле - как плач.

Мы хрип твой и холод постели.
Мы твой нарушаем уют.
К тому же, грачи прилетели -
Пускай они гнезда и вьют.

Пускай еще вороны кружат -
Мы живы, сильны и потерь
Не терпим; а хоть обнаружат -
Нас, может быть, трое теперь!

Потом, в феврале заоконном
Преступленном льду на стекле
Преступит преступным законом:
Все можно на этой земле.

И можно идти коридором,
И падать у ручки дверной.
А все - этот город, в котором
Мне выпадет крест козырной.

Но мы — говорю я — мы те, что
Выходят до света, во тьму.
Нас память ведет и надежда,
И нам не упасть никому,

Но ветром по темным дорогам,
В полях пригибая цветы,
Растет недоверье к урокам,
Сквозя переводами беды.

Там тихо. Там утро какое
Светает, в туман уходя,
И белая лошадь спокойно
Идет в середине дождя.

Там гневному дню, несвободе
Печально перечат пруды,
Дорога уходит под воду
И смотрит зная из воды.

Там, там с безмятежностью рядом,
Межлесная жавда утрат
Непарным ночным шелкопрядом
Стучится о стекла веранд.

Там в зарослях диких левкоев
Неверная птица свистит.
Из нищенских этих покоев
Кладбищенский ветер летит.

Он пахнет сырми и осенним,
А там и подавно вода...
Там все мы под августом синим
Идем неизвестно куда.

00000